

глава

1

У КАМЕННОГО КОТЛА

В последние дни Нарнии далеко к западу, за Фонарной пустошью, у самого Великого водопада, жил макак из семейства обезьян. Лет ему было столько, что никто уже не помнил, когда поселился он в этих местах, и был он умнейшим, безобразнейшим, самым морщинистым макаком, какого только можно себе вообразить. Носил он странное имя Хитр и жил в развилке большого дуба в деревянном, крытом листьями домике. В этой части леса редко встречались говорящие звери, люди, гномы или какой-нибудь иной народ, однако у Хитра был сосед и друг, осёл по имени Лопух. По крайней мере они называли себя

друзьями, но со стороны вам показалось бы, что Лопух скорее слуга Хитра, чем друг, — ведь любая работа доставалась ему. Когда они вместе ходили на реку, Хитр наполнял водой большие кожаные бурдюки, но обратно их тащил Лопух. Когда им нужно было что-нибудь в городе, ниже по течению, именно Лопух спускался вниз с пустыми корзинами на спине и возвращался с полными. А все те лакомства, которые он привозил, съедал Хитр, ещё и приговаривая: «Ты ведь знаешь, я не могу есть траву и колючки, значит, справедливо вознаградить себя чем-нибудь другим». Лопух всегда отвечал: «Конечно, Хитр, конечно, я знаю». Лопух никогда не жаловался, потому что считал большой честью уже то, что умнейший из обезьян дружит с таким глупым ослом. Если Лопух и пытался порой возражать, Хитр говорил: «Я лучше тебя знаю, что надо делать. Ты ведь неумён». И Лопух всегда отвечал: «Да, Хитр, это совершенно верно, я неумён», — вздыхал и делал, что ему велели.

Как-то утром в начале года оба они гуляли по берегу Каменного Котла — так называется глубокая котловина сразу под обрывами на западном

краю Нарнии. Огромный водопад низвергается в озеро с непрерывным грохотом; с другой стороны вытекает Великая река, вода под водопадом беспрестанно бурлит и пенится, словно её кипятят, — отсюда и пошло название Каменный Котёл. Ранней весной, когда в горах к западу от Нарнии тает снег, водопад вздувается и становится особенно бурным. Когда друзья смотрели на Каменный Котёл, Хитр вдруг воскликнул, указав на что-то чёрным лоснящимся пальцем:

— Смотри! Что это?

— О чём вы? — не понял Лопух.

— Что-то жёлтое только что проплыло по водопаду и упало в Котёл. Смотри, вот оно опять плывёт. Мы должны узнать, что это.

— Должны? — переспросил Лопух.

— Конечно, должны! Может, это что-нибудь полезное. Будь другом, вытащи эту штуку, чтобы мы могли её как следует рассмотреть.

— Лезть в Котёл? — испугался Лопух, прядая длинными ушами.

— А как же иначе мы её достанем? — удивился Хитр.

— Да, но... — замылся Лопух. — Может, вам лучше это сделать самому? Видите ли, ведь это вам интересно, что это, а не мне. И потом, у вас есть руки, вы можете что-нибудь ухватить не хуже человека или гнома, а у меня только копыта...

— Да, Лопух, не ожидал от тебя... Я о тебе был лучшего мнения.

— Что я такого сказал? — робко попытался оправдаться осёл, поскольку Хитр казался глубоко оскорблённым. — Я хотел только...

— ...чтобы я полез в воду, — закончил за него Хитр. — Как будто не знаешь, какие у обезьян слабые лёгкие и как легко мы простужаемся! Прекрасно. Я полезу. Я уже продрог на этом ужасном ветру. Но я полезу. Возможно, я умру. Тогда ты пожалеешь. — Голос Хитра задрожал, словно от едва сдерживаемых слёз.

— Пожалуйста, не надо, пожалуйста, не надо! — не то проговорил, не то прокричал по-ослиному Лопух. — Я не хотел сказать ничего такого, Хитр, правда. Вы ведь знаете, я ужасно бестолковый и не могу думать о двух вещах сразу. Я забыл про ваши слабые лёгкие. Конечно, я всё сделаю. Вы

не должны сами лезть в воду. Обещайте, что не полезете!

Хитр обещал, и Лопух зацокал копытами по каменистому берегу, пытаясь отыскать спуск. Не говоря уже о холоде, совсем не шутка лезть в бурлящую и пенящуюся воду. Лопух целую минуту стоял, поёживаясь и набираясь решимости, но тут Хитр окликнул его:

— Может, всё-таки лучше мне?

— Нет-нет. Вы обещали. Я сейчас, — поспешил ответить осёл и вошёл в воду.

Волна с силой ударила его в морду, попала в горло, ослепила. Потом он на несколько минут ушёл под воду, а вынырнув, оказался совсем в другой части Котла. Тут водоворот подхватил его, закружил всё быстрее и быстрее, отнёс под самый водопад и потянул вниз. Оказавшись почти на дне, Лопух подумал, что больше не вынырнет, а когда всё же вынырнул, увидел, что загадочный предмет тоже понесло к водопаду и тоже утянуло на дно, а всплыл он ещё дальше, чем прежде. В конце концов, смертельно уставший, продрогший, весь в синяках, Лопух схватил-таки его зубами и вылез. Эту

штуку осёл ташил перед собой, путаясь в ней передними ногами, так как была она размером с хороший ковёр, очень тяжёлая, холодная и склизкая.

Уронив её перед Хитром, Лопух остановился, дрожа, отряхиваясь и пытаясь отдышаться, но Хитр даже не спросил, как он себя чувствует, даже не посмотрел на него: слишком был занят — ходил вокруг лежащего на земле предмета, расправляя, поглаживая и обнюхивая.

— Это львиная шкура, — сказал он наконец с алчным блеском в глазах.

— Э-о-о-о-х, неужели? — с трудом выговорил Лопух.

— Интересно... интересно... интересно... — пробормотал Хитр в глубокой задумчивости.

— Интересно, кто убил бедного льва? — подхватил Лопух. — Надо его похоронить.

— О, это не был говорящий лев, — возразил Хитр, — об этом можешь не беспокоиться. Выше водопадов в Западных дебрях говорящих зверей нет. Эту шкуру носил дикий, бессловесный лев.

Кстати, так оно и было. Человек-охотник убил и освежевал этого льва в Западных дебрях

несколькими месяцами раньше, но это не имеет отношения к нашей истории.

— И всё же, Хитр, — заупрямился Лопух, — даже если эта шкура принадлежала дикому, бессловесному льву, приличней было бы устроить похороны, хотя бы скромные. Я хочу сказать, что львы — это вообще довольно... довольно серьёзно. Сами знаете, из-за кого. Понимаете?

— Кончай рассуждать, Лопух. Ты в этом не силен. Из этой шкуры мы сделаем тебе шубу.

— Я не хочу, — отказался осёл. — Это будет... я хотел сказать, другие звери могут подумать... ну, в общем, я не хотел бы...

— О чём это ты? — раздражённо перебил Хитр.

— Я думаю, будет неуважением к Великому льву, если такой осёл, как я, начнёт расхаживать в львиной шкуре.

— Перестань, пожалуйста, спорить! Что такой осёл, как ты, в этом понимает? Если не умеешь думать, Лопух, так предоставь это мне. Почему ты не хочешь относиться ко мне так же, как я к тебе? Я знаю твои сильные стороны и ценю их. Я позволил тебе лезть в Котёл, потому что знал — ты

сделаешь это лучше меня. Но почему ты не даёшь мне делать то, что я умею, а ты — нет? Позволят мне хоть что-нибудь делать? Будь же справедлив.

— Ну конечно, раз так... — согласился Лопух.

— Вот и я говорю, — подхватил Хитр. — Чем рассуждать, лучше бы пробежался до Чипингфорда и посмотрел, нет ли там апельсинов и бананов.

— Я так устал, Хитр! — взмолился Лопух.

— Конечно, — кивнул Хитр, — а ещё промок и замёрз, так что бег рысцой — лучший способ согреться. Кроме того, сегодня в Чипингфорде базарный день.

Лопух не стал спорить.

Оставшись один, Хитр тут же заковылял к своему дереву то на двух, то на четырёх лапах. Перемахивая с ветки на ветку, он забрался наверх, что-то бормоча себе под нос и скаля зубы. В своём доме он нашёл нитку, иголку и большие ножницы — шить его научили гномы. Засунув в рот моток ниток (это была очень толстая нитка, скорее даже бечёвка), отчего щека у него оттопырилась, словно он сосал огромную ириску, Хитр взял иглу в зубы, а ножницы в левую лапу и спу-

стился с дерева. Приковыляв к львиной шкуре, он присел на корточки и принялся за работу.

Сразу прикинув, что туловище шкуры великовато для Лопуха, а шея коротковата, он отрезал большой кусок от туловища и смастерил из него длинный воротник для ослиной шеи,

затем отрезал голову и пришил воротник между головой и плечами. С обеих сторон шкуры он продел бечёвку, так чтобы завязывалась у осла на брюхе. То и дело над ним пролетали птицы, и Хитр останавливался, озабоченно поглядывая наверх. Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел его работу, но все эти птицы были самые обычные, не говорящие, так что можно было не волноваться.

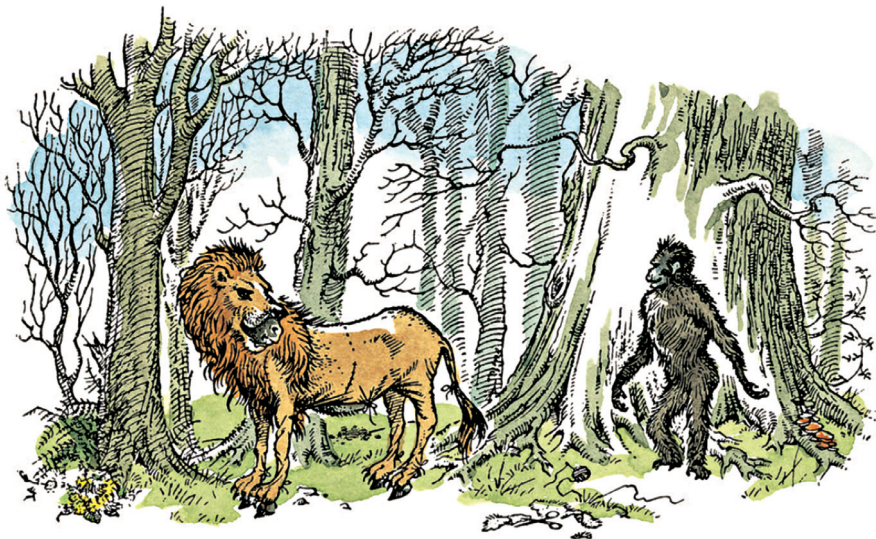
Лопух вернулся поздно вечером, и не бежал, а устало трусил.

— Апельсинов нет. И бананов тоже. И я очень устал, — пробубнил осёл и улёгся на землю.

— Примерь-ка лучше свою новую львиную шубу.

— Не до неё мне сейчас, — ответил Лопух. — Утром примерю. Сегодня я слишком устал.

— Какой же ты неблагодарный, — попенял ему Хитр. — Если уж ты устал, то что же говорить обо мне? Пока ты разгуливал по долине, я не покладая рук трудился над твоей новой шубой. Мои лапы так устали, что еле держали ножницы. А ты даже спасибо не сказал, даже не взглянул, и... и...

— Дорогой Хитр, — мгновенно поднялся Лопух, — простите меня, негодного! Конечно, я хочу её примерить. Она просто потрясающая. Давайте скорее её сюда!

— Ладно, стой здесь, — сменил гнев на милость Хитр.

Шкура была слишком тяжела для него, но наконец, пытая и отдуваясь, он напялил её на осла, завязал бечёвку под его брюхом, привязал ноги к ногам, а хвост к хвосту. Тот, кто видел настоящего льва, не ошибся бы и на секунду, но тот, кто